

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ АСОЦИАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

В статье представлены психологические аспекты самореализации личности с точки зрения институционального подхода; рассмотрена проблема самореализации личности в контексте ценностей изменяющегося общества.

Ключевые слова: самореализация, асоциальная личность, институциональный подход.

В российском обществе 1990-х годов исследователи определенно фиксировали стандартную для переходного состояния ситуацию сосуществования статистически значимых тенденций, с одной стороны, «зависания» и размывания ценностей, а с другой – ценностной адаптации людей к переменам. Так, проведенное в 1997 году социологическое исследование (Центром исследований динамики ценностей по специально разработанной методике: 1066 личных интервью по репрезентативной всероссийской выборке) показало, что за период с 1990 по 1997 годы «произошли заметные изменения в характере и структуре ценностей россиян. Прежде всего, увеличилась распространенность ценностей современного общества, таких, как свобода (с 46 до 56%), независимость (с 40 до 50%), инициативность (с 36 до 44%). Одновременно уменьшилась распространенность таких ценностей традиционного общества, как самопожертвование, следование традициям, вольность (свобода от ограничений). Характерной чертой динамики ценностей становится их рационализация, снижение влияния мифологизированных целей и средств, далеких от собственных потребностей индивидов и реальных социальных групп как конкретных субъектов поведения, поступков. Например, в отличие от 1990 года, когда большинство россиян связывало решение своих жизненных проблем, прежде всего, с деятельностью властей, ныне уже около 55% респондентов надеются в основном на самих себя. Именно с этой переориентацией связаны, на наш взгляд, такие сдвиги, как усиление социальной терпимости и конструктивного отношения к изменениям, а также снижение чисто политической активности и ослабление отча-

яния, чувства безнадежности... Ныне российское общество находится отнюдь не в начале, а примерно в середине движения к современной системе ценностей или уже во второй половине этого пути» [5].

Такова констатация исследователей в отношении ментального состояния российского общества 1997 года. И эта картина формирования новой ментальности не противоречит прямо противоположному выводу социологов и социальных психологов о росте в России в эти же годы аполитичности и экстремизма как почвы для асоциальных проявлений. Обе картины – реальные и свидетельствуют об обычном для переходного общества сосуществовании разнонаправленных тенденций. Задача – в том, чтобы умелым управлением переходными процессами поддержать позитивную тенденцию выхода общества из психологически некомфортного состояния ценностного сумбура, не дать ей исчезнуть в сильной тенденции нарастания ценностного сумбура.

Имеющий место в переходном обществе ценностный сумбур опасен тем, что порождает противоположную крайность. Дезориентированные в ценностном отношении люди, стремясь компенсировать это психологически дискомфортное состояние, начинают ставить ценностную «рамку» сознания выше самой способности сознания к рефлексии. При этом выбираются ценности, как правило, ложные, что закономерно в атмосфере ценностного сумбура и приоритета «веры» перед рефлексивным сознанием. Так рациональное поведение, основанное на рефлексивном сознании, в которое ценности *рационально* встроены, уступает место иррациональному поведению, основанному на «верующем» (в случайные, ложные идеи как «ценности») созна-

нии, которое подавляет собственную способность к рефлексии. И таков чисто психологический механизм роста асоциальных проявлений в переходном обществе.

Действительно, исследования российского общества 1990-х годов подтверждают ценностный характер сознания россиян, которые объединяются, если им предлагается сделать ценностный выбор. Это четко зафиксировал социологический опрос, в котором на предложение респондентам выбора между обществом индивидуальной свободы и обществом социального равенства респонденты разных возрастных групп выбрали:

- от 16 до 24 лет: 44% – индивидуальную свободу, 35% – социальное равенство;
- 25-30 лет: 32% – индивидуальную свободу, 47% – социальное равенство;
- 36-45 лет: 23% – индивидуальную свободу, 55% – социальное равенство;
- 46-55 лет: 21% – индивидуальную свободу, 62% – социальное равенство;
- 56-65 лет: 13% – индивидуальную свободу, 72% – социальное равенство [2].

В ответах мы видим плавное снижение доли респондентов, выбирающих индивидуальную свободу, при переходе к старшим возрастным группам. Это – естественно. Однако явно аномален ценностный выбор в группе 25-30-летних в пользу социального равенства, поскольку трудно представить, чтобы столь юная и самая работоспособная часть общества всерьез задумывалась о социальных гарантиях для себя и не была настроена на риски индивидуального «социального плаванья». Поэтому, скорее всего, в данном случае молодежь продемонстрировала не столько свойственное ей рациональное, сколько ценностное (основанное на «вере») сознание и просто воспользовалась готовыми – привычными для советского общества – ценностями за неимением своих, новых ценностей. Так на почве феномена ценностного сознания произошло объединение молодежи со старшим поколением, и, следовательно, фактор «ценностного сознания» проявил себя в данном случае как фактор «зависшей» системы ценностей – фактор «постсоветской» (неопределенной, «оглядывающейся назад») ментальности.

Это психологическое состояние российского общества весьма характерно для пере-

ходных обществ, в которых происходит разрыв между ценностным и рациональным сознанием – ценностное сознание людей отстает от их рационального поведения, жестко обусловленного необходимостью адаптации к социальным переменам. Возникает ситуация, когда поведение лояльно к переменам, а сознание не лояльно. Психологически это означает, что «массовый человек» переходного общества находится в разладе с самим собой: ему не нравится то, что он делает, но он вынужден это делать, иначе не выжить. Психологический дискомфорт «массового человека» переходного общества состоит в том, что социальная реализация индивида не ощущается и не рассматривается им как **самореализация**. И именно этот разрыв, и даже антагонизм, между ценностным и рациональным внутри индивида является основной психологической причиной роста всего спектра асоциальных проявлений в переходном обществе. Отсюда – чрезвычайная важность поддержки и расширения процесса **рационализации сознания** россиян, процесса, который и есть процесс формирования новой системы ценностей (достижения единства ценностного и рационального сознания) и приметы которого в российском обществе 1990-х годов обнаруживали исследователи [6, 7], впрочем, как и скепсис по этому поводу [4], и такие «две правды», повторим, характеризуют объективное состояние переходного общества.

Необходимость поддержки и ускорения процесса рационализации сознания «массового человека» в переходном обществе в интересах укрепления и роста социально позитивных поведенческих установок предполагает институциональное решение задачи. Оно заключается во введении и развитии таких институтов (социальных условий), которые побуждают личность к **самореализации** (обеспечивая индивиду психологическое состояние «согласия с самим собой») – к тому, что один из наиболее видных психологов XX века А.Маслоу называл «самоактуализацией». А.Маслоу понимал «самоактуализацию личности» как свободный выбор человеком жизненной стратегии личностного роста вместо стратегии жертвы, страха принятия решений, социального иждивенчества, низких потребностей [10].

Проблема самоактуализации личности – очень старая проблема свободы в человеческом обществе, практическое решение которой на протяжении уже тысячелетий сопровождает философский спор о соотношении в человеке свободы и детерминизма. В пользу того, что наиболее существенной психологической характеристикой человеческой природы является именно свобода, свидетельствует статистический (а не жестко детерминистский) характер социальных систем. Согласно теории систем, общество представляет собой весьма сложную статистическую систему, а все статистические системы, в том числе в неживой природе, функционируют на фундаментальном условии «индивидуальной свободы». Поэтому институты общества обязаны воспроизводить это фундаментальное условие выживаемости и прочности статистической системы, психологического здоровья человека.

В отечественной психологической науке еще в 1922 году (С.Л.Рубинштейном) была разработана категория «субъект жизни» с тем, чтобы подтвердить естественное право личности на самоопределение – планирование, организацию и регулирование собственной жизни. Причем, категория «субъект жизни» понималась в фундаментальном смысле способности человеческого сознания быть не просто вместилищем знания, но *отношением* – занимать определенную позицию, без которой нет личности [13]. Данная традиция получила новую жизнь в психологической науке современной России, например, в определении человека как «зачинщика», субъекта своего жизнепостроения...» [1]. Или в таком пассаже: «Важной характеристикой субъективности является способность человека успешно преодолевать возникающие жизненные противоречия, проблемы, проявлять при этом активность, стремиться управлять событиями, а не плыть по течению жизни. Этой способностью высшего порядка личность обладает в том случае, если выступает как субъект жизни» [3].

Многие известные представители психологической науки на Западе, такие, как А.Адлер, А.Маслоу, К.Роджерс и др., вообще утверждают, что свобода выбора – квинтэссенция того, что подразумевает понятие «человек». В частности В.Франкл, рассматривающий об-

щество как «пространства личной свободы», указывает, что «пространства свободы» обнаруживаются даже в самых, казалось бы, безнадежных условиях, например, в концлагерях [14]. И это наблюдение В.Франкла подтверждает, что человек свободен по природе, он не может не создавать «пространства свободы» в любом месте своего обитания – даже там и тогда, где и когда кому-то приходит в голову избавить людей от свободы воли.

Правда, существует и детерминистская теория личности (например, З.Фрейда, Б.Скиннера, Р.Крачфилда, Дж.Олдса и др.), утверждающая, что человеку трудно реализовать потенциал самоактуализации, поскольку человек полностью подчинен: голосу своего бессознательного; знакам внешнего подтверждения; опыту ранних лет жизни; собственной физиологии; генетической предрасположенности; культурной традиции; и т.д. Однако крупный изъян этой теории состоит в том, что она рассматривает человека лишь как объект социальных и биологических стимулов и сигналов, на которые человек вынужден реагировать, не имея, поэтому, возможностей субъекта: управления своей жизнью посредством формирования собственной позиции по праву свободного личностного выбора [12]. Таким образом, понижая возможности человека как субъекта, детерминистская теория личности, вольно или невольно, обосновывает идею человека как объекта власти, в том числе власти человека над человеком. Указанный детерминизм в человеческом поведении, конечно, имеет место, но он, в отличие от свободы, не является родовой характеристикой человека и создаваемых им социальных систем.

Характерно, что никто из психологов, отечественных и зарубежных, реально не является приверженцем детерминистской теории личности, поскольку все признают определяющей чертой человека именно сознание – не как подчинение, но как рациональность, т.е. способность делать самостоятельный выбор, самостоятельно формировать собственную позицию, самостоятельно принимать решения. Естественно, что это родовое стремление человека быть субъектом, распоряжаться собой требует своего закрепления в соответствующих институтах. И если такого закрепления не происходит – насаждаются инсти-

туты, ущемляющие естественное человеческое право «субъекта жизни», – в обществе резко возрастают риски «бунта асоциальности», поскольку человеческая рациональность, загоняемая в рамки сознания подчинения, накапливает потенциал именно правового нигилизма, неподчинения, бунта, анархии.

На социально-институциональный фактор роста (гашения) асоциальных проявлений указывали еще античные мыслители, которые разделяли институциональные системы общества на «хорошие» и «плохие». Например, для Платона худшими общественными устройствами были системы тупого властного произвола – тирания и охлократия (власть толпы). В более поздние времена Н.Макиавелли, Ш.Монтескье, А.Токвиль пытались определить степень свободы в обществе, оптимальную для устойчивого воспроизведения массовых социально позитивных поведенческих установок как основы жизнеспособности и жизнестойкости общественного организма.

Институциональный подход к анализу асоциального поведения имеет независимое обоснование в авторитетной у психологов холистической теории личности, рассматривающей человека не как сумму отдельных его измерений – биологического, социального, рационального, иррационального, волевого, установочного, деятельностного и т.д., – но как целостную их систему. Такой холизм проводит идею антропосоциогенеза – неотделимости человека от общества, что имеет прямое следствие для правильной постановки проблемы асоциального поведения, которое относится не только к индивидуальному, но и социальному опыту. Психологи прямо говорят, что «психические свойства личности не могут быть раскрыты ни как функциональные, ни тем более как материально-структурные, они принадлежат к категории свойств, которые определяются как системные. А это значит, что для раскрытия их объективного основания нужно выйти в исследовании за пределы индивида и рассмотреть его как элемент системы. Этой системой является общество» [9]. В отечественной психологической науке эта позиция еще в 1970-х годах получила наиболее последовательную разработку в так называемом «инвайронментализме», согласно которому «личность человека ни в

каком смысле не является предшествующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается... Сущность личности может быть раскрыта только в ходе социально-психологического изучения индивида, а ведущим критерием ее развития является социальная зрелость, т.е. понять и определить основные свойства человека можно только через анализ отношения «индивид-общество» [8].

По мнению в частности видного психолога Р.Мэя, тремя составляющими устойчивой личности являются свобода, индивидуальность и социальная интегрированность, при том, что, согласно Р.Мэю, «предельное растворение индивида в обществе не только невозможно, но и нежелательно... Стихия личности – творчество, а не прозябание... Социальная жизнь человека – это конструктивное перераспределение напряжений, а не абсолютная гармония... Задача – не в полном устранении конфликтов, это приведет только к застою, но в превращении деструктивных конфликтов в конструктивные» [11]. Таким образом, нормальная личность как «свобода и индивидуальность» стремится к социальной интеграции и использует социальную интеграцию отчасти для того, чтобы обрести «внутреннее равновесие», но, прежде всего, с целью проявить свое «Я». Если бы это было не так, идеальными для личности следовало бы признать условия жизни Робинзона на необитаемом острове: при гарантированной материальной обеспеченности (жилищем, едой, одеждой) – полное отсутствие поводов к нарушению «внутреннего равновесия».

Эту «проблему Робинзона» ставит А.Маслоу: «Если мотивация состоит по существу из защитного устранения раздражающих напряжений и если единственным результатом снижения напряжения оказывается состояние пассивного ожидания новых неприятных раздражений, которые в свою очередь потребуются снять, как же происходит изменение, развитие, движение? Почему люди становятся лучше, мудрее? Что делает жизнь интересной?... Все имеющиеся у нас данные позволяют предположить практически в каждом человеке и определенно почти в каждом новорожденном активное стремление к здоровью, импульс к росту, или к актуализации че-

ловеческого потенциала» [10]. Тем самым психологи дают понять: человек не просто «оказывается» и «пребывает» в обществе, но он **стремится** в общество, чтобы на этой «публичной арене» пройти свой путь развития – самоактуализации.

Социализация индивида – единственный и самый сложный механизм (в котором взаимно переплетены в единое целое интерпсихологические и интрапсихологические детерминанты личности) формирования у человека социально позитивных или асоциальных установок. Этот механизм чрезвычайно сложен, поскольку приводится в действие целой системой объективных и субъективных факторов. Среди них фактор семьи – не только главный, но и крайне непредсказуемый, наименее управляемый. Достаточно сказать, что на семье лежит миссия не просто воспитать у подрастающего поколения социально позитивные установки, но решить гораздо более тонкую проблему воспитания у ребенка **смелости** к развитию своей личности, что есть высшее проявление социально позитивного настроения человека. Далеко не каждая семья способна поднять социализацию на такой уровень. Проблема сформулирована психологами, указывающими следующие причины, по которым число людей, не боящихся собственных способностей, составляет лишь малый процент:

– как ни парадоксально, но ведущий у родового человека инстинкт инноваций, собственно и создавший человеческую цивилизацию, достаточно слаб на уровне отдельного человека, поскольку легко подавляется дурными привычками и негативными жизненными обстоятельствами: бедностью, неинтеллектуальной средой, неадекватным образованием и т.д.;

– в современном цивилизованном обществе не приветствуется свободное проявление любых «инстинктов», и, следовательно, в «приличном обществе» в сферу отрицательных мотиваций попадает и человеческий инстинкт инноваций;

– свободное проявление инстинкта инноваций – это всегда рискованное поведение, связанное с конфликтом и высокой вероятностью неудачи, а между тем у человека существует такой сильный мотив низкого уровня, как потребность в безопасности, и этот мотив

делает движение человека вперед к росту всякий раз очень нелегким выбором, преодолевающим страх риска: даже здоровый ребенок в незнакомой обстановке становится более осторожным, менее любознательным;

– во всех нас сидит «комплекс Ионы» – боязнь своих способностей и их роста: мы боимся наших не только низших, но и высших возможностей. Часто мы бежим от ответственности, которую возлагает на нас (или, скорее, предлагает нам) природа, судьба, а иногда и случай;

– личность «прячет» свой потенциал роста, опасаясь суда обыденных представлений о том, скажем, каким должен быть «настоящий мужчина», а он, по обыденным представлениям, не должен особо проявлять симпатию, доброту, мягкость, нежность: вообще говоря, обыденные представления приветствуют скорее консерватизм, закрытость, нежели авангардизм, открытость, искренность;

– человеческий инстинкт инноваций подавляется навыками, но сколь бы полезны ни были навыки в отношении неизменных аспектов мира, – они превращаются в помеху и препятствие, когда организм встречается с его изменяющимися аспектами, с уникальными, новыми проблемами, с которыми ранее не приходилось сталкиваться: «характерно, что отсутствие интереса или минимальный интерес к новому и неизвестному отличает среднего невротика» [10].

Таким образом, получается, что «средними невротиками» – группой риска в отношении асоциального поведения – является большинство населения планеты. Решение этой проблемы – в соответствующем регулировании семьи как главного института социализации. Прямое регулирование практически невозможно, поскольку семья – «частная» территория общественных отношений. Однако вполне возможно эффективное косвенное регулирование – через встраивание института семьи в систему институтов общества, которая не только не подавляет в человеке «свободу, индивидуальность и социальную интеграцию», но, напротив, активизирует такую, социально позитивную, самоактуализацию личности.

Переходное общество с его нестабильностью, ценностной неопределенностью, сгущением атмосферы беспокойства, недоверия,

страха, агрессии, безысходности, усилением иррационального элемента в массовом сознании из-за разрыва между ценностным и рациональным сознанием и т.д. существенно

обостряет проблему «средних невротиков» как массовой почвы асоциальных проявлений.

27.12.2010

Список литературы:

1. Акмеология. – М., 2001. – №1. – С. 3.
2. Граждане России: взгляд на самих себя // НГ-Сценарии. – М., 1998. – №11. – С.9, 13.
3. Деркач А.А. Акмеологические резервы развития творческого потенциала личности // Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн.1-5. – М.: РАГС, 2000. – Кн.3. – С.15.
4. Клямкин И.М. Советское и западное: возможен ли синтез? // Политические исследования. – М., 1994. – №4.
5. Лапин Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России // Вестник РАН. – М., 1997. – Т.67, №2. – С.142-143.
6. Лапин Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России // Вестник РАН. – М., 1997. – Т.67, №2; Андреевкова А.В. Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. – М., 1994. – №11; Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. – М., 1994. – №3.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975. – С.159, 172, 186. См. также: Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. Брушлинского А.В. – М., 1997. – С.320-321.
8. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984. – С.293.
9. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: «Смысл», 1999. – С. 43, 46, 51, 159, 384-386.
10. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. – М., 1999. – С.18, 25, 30.
11. Орлов А.Б. Человекоцентрированный подход в психологии, психотерапии, образовании и политике // Вопросы психологии. – М., 2002. – №2. – С.70.
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М., 1957. – С.32.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. под ред. Гозмана Л.Я., Леонтьева Д.А. – М.: Прогресс, 1990.

Сведения об авторе: **Зубова Людмила Викторовна**, заведующий кафедрой общей психологии и психологии личности ОГУ, кандидат психологических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2311, тел. (3532)372575, e-mail: zubowa@yandex.ru

UDC 158 (n): 34s.5

Zubova L.V.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF ANTISOCIAL PERSONALITY SELF-ACTUALIZATION FROM THE POINT OF VIEW OF INSTITUTIONAL APPROACH

The article presents the psychological aspects of self-realization in terms of the institutional approach, consider the problem of self-realization in the context of changing values of society.

Key words: self-realization, antisocial personality, institutional approach.

Bibliography:

1. Akmeology. – M., 2001. – №1. – S.3.
2. Citizens of Russia: a look at themselves / NY-Scripts. – M., 1. – №11. – С.9, 13.
3. Derkach, AA Acmeological reserves of creativity personality / Akmeology: personal and professional development rights. Book 1-5. – Moscow: RAGS, 2000. – Kn.3. – S. 15.
4. Klyamkin IMSoviet and Western: it is capable of fusion? // Political Studies. – M., 1. – №4.
5. Lapin, NI Values of the population dynamics of the reformed Russia // Vestnik RAN. – M., 1. – V.67, №2. – S.142-143.
6. Lapin, NI Values of the population dynamics of the reformed Russia // Vestnik RAN. – M., 1. – V.67, №2; Andreenkov AVMaterialist / post-materialist values in Russia // Sociological Research. – M., 1. – №11.
7. Doctors BZ Russia in the European socio-cultural space, «Journal of Sociology. – M., 1. – №3.
8. Leontiev, AN Activities. Consciousness. Personality. – M., 1975. – P.159, 172, 186. See also: Psychological Science in Russia XX Century: Problems of Theory and History, ed. Bruschlinsky AV – M., 1. – S.320-321.
9. Lomov, BF Methodological and theoretical problems of psychology. – M., 1984. – S.293.
10. Maslow A. New frontiers of human nature. – M.: «Meaning», 19 – S. 43, 46, 51, 159, 384-386.
11. Mae R. The Art of counseling. – M., 19 – P.18, 25, 30.
12. Orlov AB Person-approach in psychology, psychotherapy, education and politics: Problems of Psychology. – M., 2002. – №2. – S.70.
13. Rubinstein, SL Being and consciousness. – M., 1957. – S.32.
14. Frankl V. Man's Search for Meaning, Ed. from English. Ed. Gozman LY, Leontiev DA – M.